

Культура. 1999. 11-17 нояб. с. 7

Серебряный век в эпоху быстрых темпов

Открылся очередной филиал Государственного Литературного музея. Некий комизм ситуации заключается в том, что основного здания с экспозицией, фондами, службами и всем, что положено, у музея нет. Зато филиалов много. Новый, расположившийся в особняке, где жил поэт Валерий Брюсов на Первой Мещанской (проспект Мира), посвящен культуре серебряного века. Экспозиция при этом пушкинская, приуроченная все к тому же юбилею и повествующая о связях писателей-символистов и близких к ним с "главным русским поэтом". О впечатлениях от нового музея говорит писательница

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ.

— Для человека моего поколения знаменательно уже то, что такой музей появился. За жизнь я привыкла к мысли, что его никогда не будет. Я отлично помню, как люди боялись держать дома книги Гумилева или эмигрантки Цветаевой, потому что, если их находили при обысках, это влекло за собой очень серьезные последствия. В марте 1941-го я первый раз в своей жизни присутствовала на вечере памяти Блока, казалось бы, поэта вполне легального, но атмосфера там царилла какого-то подполья, говорили почти шепотом. Меня привела на этот вечер Екатерина Алексеевна Бальмонт, вторая жена знаменитого писателя-символиста. Заседание происходило в комнатке размером метров 10 — 15. Пришли несколько человек, все знакомые друг с другом, имен эмигрантов и репрессированных старались не называть.

Так что Музей серебряного века для меня — событие особое, очень личное. Многих людей из этой эпохи я знала, они бывали в доме моей матери — поэтессы Татьяны Вечерки. Я помню Ахматову, Городецкую, Асееву, мы многие годы дружили с Крученых. Кроме того, эта экспозиция едва ли не единственное событие пушкинского юбилея, которое не выглядит натужным. Ведь почти все писатели начала века были пушкинистами, их работы имеют и литературное, и научное значение.

К Брюсову можно относиться по-разному, он при советской власти, скажем так, странно себя вел, но одной из самых любопытных фигур русского символизма он все равно остается. И в этом как бы реализовалось его стремление стать литературным вождем, что именно в его доме открылся такой музей.

Не могу не сказать и о том, как сделана экспозиция. Она вся проникнута большим чувством. Там нет никакой пошлости, а между прочим, модерн как стиль очень часто провоцирует нечто пошлова-

тое. Здесь удалось этого избежать.

Самым интересным мне показался раздел, где представлены афиши литературных вечеров, там есть совершенно уникальные вещи — из "Бродячей собаки", "Привала комедиантов", объявления о чтении Блока, Вячеслава Иванова, Северянина, Бальмонта. Это передает атмосферу времени лучше, чем что-либо. Очень богатая портретная галерея, там выделяется портрет Ходасевича работы его сестры Валентины Ходасевич. Многие из них извлечены из запасников, они никогда не выставлялись даже в последние годы, когда, казалось бы, интерес к этой культуре стал очень велик. Еще мне понравилось, что в экспозиции, вопреки традициям такого рода показов, мало рукописей. Они, по-моему, всегда мешают, начинаешь читать, а прочитать не можешь, остается какое-то раздражение. Это ведь очень тонкое дело — организовать литературную выставку. Здесь, вероятно, надо уметь отказываться от лишнего, а я представляю себе, как трудно музейщику отказываться что-то выставлять.

И еще об одном значении этого музея нужно сказать. Я знаю, что в школьных программах литературы на весь XX век отведено четыре часа, это просто насмешка. Там приведены гигантские списки фамилий, и на каждую приходится несколько секунд урочного времени. Теперь появилась хоть какая-то надежда, что этими секундами знакомство молодых людей с культурой начала XX века не ограничится.

Если говорить элегически, я воспринимаю открытие этого музея как знаменательный жест в конце века. Ведь, может быть, культура серебряного века — это единственная светлая страница в истории века уходящего.

Записал
Юрий АРПИШКИН

167